

ФИЛОСОФИЯ. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

DOI 10.25991/VRHGA.2025.4.4.004

УДК 172.1

В. С. Минак*

«ПОЛИТИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ» В УЧЕНИИ АРИСТОТЕЛЯ О ГОСУДАРСТВЕ**

В данной статье основное содержание политической философии Аристотеля истолковывается через философское понятие субъекта. Утверждается, что это возможно сделать как минимум двумя способами: либо исходя из самого понятия в его классическом (картезианском) значении, и тогда необходимо рассмотреть положение подобного субъекта в государстве по Аристотелю; либо исходя из ключевых атрибутов, которыми это понятие обычно наделяется (самосознание, способность к действию, суверенность, транспарентность). В зависимости от выбора одного из указанных способов субъект понимается или как индивидуальный, или как коллективный. Подчеркивается, что при данном методологическом подходе учение о государстве подразумевает в первую очередь коллективного субъекта. Последний предшествует индивидуальному субъекту онтологически, таким образом определяет и формирует субъектность партикулярную, которая оказывается не раз и навсегда данной, но меняющейся в зависимости от контекстуальных политических предпосылок, от конкретного политического устройства, внутри которого решается, что делает эмпирического субъекта субъектом политическим. Определенное политическое устройство делает частного субъекта субъектом политики, поэтому в зависимости от формы государства формируется

---

* Минак Вячеслав Сергеевич — ordogeometricus@mail.ru, мл. науч. сотр., Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (г. Санкт-Петербург), аналитик Центра научного проектирования Управления по научной работе РГГУ (г. Москва).

Vyacheslav S. Minak — ordogeometricus@mail.ru, junior researcher at the Russian Christian Humanitarian Academy named after F. M. Dostoevsky (St. Petersburg), analyst at the Center of Scientific Design at Department of Management of Scientific Work of the Russian State University for the Humanities (Moscow).

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00971, <https://rscf.ru/project/23-18-00971/>.

и политическая субъектность, присущая или не присущая тому или иному частному лицу, являющемуся гражданином полиса.

Ключевые слова: коллективный субъект, индивидуальный субъект, учение о государстве, Аристотель, философская методология.

V. S. Minak

*“POLITICAL SUBJECT”
IN ARISTOTLE’S THEORY OF THE STATE*

In this article, the main content of Aristotle’s political philosophy is interpreted through the philosophical concept of the subject. It is argued that this can be done in at least two ways: either based on the concept itself in its classical (Cartesian) meaning, and in this case it is necessary to consider the position of such a subject in the state according to Aristotle; or based on the key attributes that this concept is usually endowed with (self-awareness, ability to act, sovereignty, transparency). Depending on the choice of one of these methods, the subject is understood either as an individual or as a collective. It is emphasized that with this methodological approach, the theory of the state implies, first of all, a collective subject. The latter precedes the individual subject ontologically, thus defines and forms a particular subjectivity, which turns out to be not fixed once and for all, but changing depending on contextual political prerequisites, on a specific political structure, within which it is decided what makes an empirical subject a political subject. A political structure makes a private subject a subject of politics, therefore, depending on the form of the state, a political subjectivity is formed, inherent or not inherent in one or another individual who is a citizen of the city-state.

Keywords: collective subject, individual subject, theory of the state, Aristotle, philosophical methodology.

В начальной серии исследований, посвященных осмыслению аристотелевского наследия через понятие субъекта (по распространенному убеждению, составляющее ядро современного философского словаря), было проделано только предварительное рассмотрение формирования «этико-политического субъекта» в перипатетической мысли. Иными словами, там речь шла скорее об индивидуальности, «психолого-ноэтическом субъекте» [10], а также субъекте моральной философии [9], то есть субъекте хотя и практическом, однако в его абстрагированном, изолированном от социального контекста виде. После этого уместно перейти к основной цели исследования — рассмотрению политического учения Аристотеля сквозь призму понятия «субъект», новоевропейские корни которого также были подчеркнуты ранее.

Традиционно предупреждая возможные упреки в анахронизме, заметим вначале в качестве пояснения, что условные вопросы «существовал ли в Античности субъект?» и «существовал ли в Античности мобильный телефон?» носят принципиально разный характер. Дело в том, что в первом случае речь идет о модусе мышления, продукте человеческого интеллекта, с помощью которого можно так или иначе формировать представления о реальности, то есть мировоззрение. Во втором же вопросе речь идет о реально существующем

объекте, поэтому, чтобы ответить на него утвердительно, необходимо предоставить какие-либо существенные доказательства, однозначные факты, то есть материальные следы того, что он был в пользовании у людей той эпохи.

Таким образом, в случае постановки первого вопроса (или вопроса аналогичного характера), совсем не обязательно настаивать на том, что, например, Аристотель или какой-либо другой античный мыслитель знали понятие субъекта и мыслили через него содержимое своих трудов. Однако методологический подход настоящего исследования состоит в том, что к этому безусловно объективному содержанию, закрепленному наличием первоисточников, приложимы если не всевозможные, то как минимум ключевые продукты мышления людей независимо от исторического периода, в особенности если речь идет чуть ли не о ключевом понятии эпохи, из которой выросла современность, а именно эпохи Модерна. Другими словами, объективное содержание избранного первоисточника вполне возможно объяснять, интерпретировать через разные концептуальные подходы и философские словари, по крайней мере предварительно и чисто гипотетически.

Соответственно, в задачи описанной методологии не входит как бы вторгнуться в объективное содержание политической теории Аристотеля и перевернуть его до такой степени, чтобы найти там что-то большее, нежели только корни и предпосылки понятий последующих эпох. Но ведь ничто не мешает тому, чтобы само это содержание могло быть описано совершенно по-разному, исключая или, по крайней мере, не предполагая с необходимостью возможное противоречие внутри самого этого объективного содержания.

Чтобы доказать сказанное, необходимо продемонстрировать далее, что понятие субъекта в качестве концептуального инструмента можно применить к учению Аристотеля о государстве. Это можно сделать как минимум двумя способами. Во-первых, можно взять субъект в его классическом, то есть картезианском, значении и проанализировать, как он будет вести себя применительно к аристотелевской практической философии в широком смысле. В этом случае «субъект» наделяется преимущественно психолого-ноэтическим содержанием и рассматривается как индивидуальная физическая единица, соответствуя субстанциальным свойствам картезианского субъекта, выделенным Декартом и общепризнанным его последователями, — самосознанию и действию. Этому способу и была посвящена первая статья по этой теме.

Второй способ состоит в том, что в первую очередь во внимание берется специфика области, подлежащей рассмотрению согласно поставленной выше цели, а именно политической философии Аристотеля в собственном смысле, его учения о городе-государстве. Здесь необходимо заметить, что удивительным образом, несмотря на непосредственную связь Аристотеля с Александром Македонским, положившим начало формированию нового мира и образованию эллинистических государств, первым из которых стала его великая империя, Стагирит при исследовании политической области остается в рамках философии классического греческого полиса, или города-государства [2, с. 43–89]. В этом втором случае речь пойдет уже не о субъекте в его классическом понимании, как об абстрактной единице мышления и волевого действия, как при первом

способе, но о собственно «политическом субъекте» в рамках учения Аристотеля о полисе. Для того чтобы прояснить суть этого подхода, необходимо в качестве предварительного введения напомнить основы политической философии Стагирита путем обращения к его «Политике» и извлечения оттуда основных теоретических положений. Только после этого можно будет понять, как понимался и репрезентировался «политический субъект» в учении Аристотеля о государстве, одновременно формируя различные практики субъектности.

В самом общем виде государство определяется Аристотелем как совокупность граждан, которые в ходе общения преследуют совместное благое и самодовлеющее состояние [Pol. I, 1252a 1–3; III, 1275b 18–21, здесь и далее пер. С. А. Жебелева]. По природе оно суть «продукт естественного возникновения» [Ibid. I, 1252b 28–32], завершение, то есть конечная цель первичных общений. Более того, государство не только признается Аристотелем естественным образованием, по природе оно еще и является первичным по сравнению с семьей (отдельным домом (οικία)), деревней (κώμη) как совокупностью нескольких семей и даже племенем (ἔθνος), или этносом, состоящим из нескольких деревень*. Это положение о первичности государства соответствует общему метафизическому принципу перипатетической философии, согласно которому по природе (а не по времени образования) целое с необходимостью предшествует части [Ibid. I, 1253a 19–20]. Необходимо также помнить, что, согласно аристотелевской мысли, государство может быть либо правильным, соответствуя своей природе, либо извращенным, то есть отклоняющимся от указанной выше дефиниции в том, что оно не подразумевает благого существования совокупной массы населения. Правильные же виды государства основаны на взаимной дружбе, поскольку «именно дружба есть необходимое условие совместной жизни» [Ibid. III, 1280b 38–39].

Поскольку любое государство является сложным образованием, постольку Аристотель выделяет в нем разные стороны, предлагая при этом несколько способов такого выделения необходимых частей. Исходя из его политического учения, например, можно говорить о разнообразии составляющей то или иное государство массы населения, выделяя земледельцев, ремесленников, торговцев, военных, жрецов и т. д. [Ibid. VII, 1328b 20–24]. Данное деление основывается на задачах государства, таких как пропитание, ремесла, оружие и др., без них оно перестает являться самим собой, но оказывается в лучшем случае чем-то вроде общности местожительства или простого скопления людей в рамках более-менее единой территории.

От последнего государство отличается наличием государственного устройства (politeia). Его Аристотель определяет как «распорядок в области организации государственных должностей вообще» [Ibid. III, 1278b 8–9]. Далее он выделяет необходимые три части любого государственного устройства, определяющих природу того или иного государства:

«Вот эти три части: первая — законосовещательный орган, рассматривающий дела государства, вторая — должности (именно какие должности должны быть

---

* Подробнее о использовании этого термина у Аристотеля см.: [5, с. 9–11].

вообще, чем они должны вестись, каков должен быть способ их замещения), третья — судебные органы» [Ibid. IV, 1298a 1–4].

Помимо этого, население государства можно разделить на бедных и богатых (либо бедных, богатых и средний класс), и это тоже существенные его части, поскольку «одни и те же люди не могут быть одновременно бедными и богатыми» [Ibid. IV, 1291b 6–7].

Таким образом, основные способы выделения необходимых частей государства исходят либо из состава гражданского населения, либо исходя из его материальных возможностей, либо из ключевых институтов, определяющих конкретную специфику любого политического объединения. В свою очередь, из указанной множественности частей любого государства с необходимостью вытекает наличие множества видов государственного строя.

Однако ключевым принципом выделения различных видов государств по Аристотелю является то, в чьих руках находится верховная власть. Правильные виды государства отличаются друг от друга количеством людей, наделенных верховной властью. Последняя, по словам Аристотеля, «непрерывно находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства» [Ibid. III, 1278a 26–27]. Отсюда соответствующие известные формы государственного правления: правильные — монархия, аристократия, полиция, и неправильные — тирания, олигархия, демократия, а также их многочисленные и самые разнообразные смешанные виды.

В зависимости от того или иного государственного устройства гражданами по Аристотелю будут не одни и те же люди. Полноценными государственными мужами будут только те, кто наделен основными политическими правами. Другими словами, согласно мысли Аристотеля, тот, кто ни в одно время проживания в государстве не имеет никакого отношения не только к верховной, но хотя бы к судебной или законосовещательной власти, не может считаться гражданином, то есть «субъектом политики», в собственном смысле слова. Именно в этом смысле следует понимать оговорку в другом месте «Политики», согласно которой верховную силу во всех видах государственного устройства может иметь только большинство: «Что решит большинство из числа участвующих в государственном управлении, то и получает законную силу и в олигархии, и в аристократии, и в демократии» [Ibid. IV, 1294a 12–14].

В рамках аристотелевского учения о государстве получается, что, поскольку политической субъектностью обладает только тот, кто наделен совокупностью гражданских прав, в первую очередь распорядительской, законосовещательной и судебной власти, в случае тирании — исключительно тиран, в случае олигархии — только богатый класс населения, управляющий государством, и т. п., счастье как высшее благо отдельного человека в области поступков по необходимости совпадает с политической субъектностью и устройством государства в соответствии с интересами, тогда как все остальные слои населения выступают как бы подпоркой, вспомогательными лесами для основного гражданского населения. Другими словами, заключение Аристотеля о том, что «...наилучшая жизнь для каждого человека в отдельности и для всего государства в целом должна быть одной и той же» [Ibid. VII, 1325b 30–32], следует понимать в том

смысле, что полноценным членом общества (гражданином, или государственным мужем) может считаться только тот человек, который имеет прямой доступ к высшей власти в государственном устройстве, независимо от его конкретного вида, точно так же как, с точки зрения Аристотеля, непреодолимый социально-политический барьер возникает между той частью населения, которая владеет, либо может владеть оружием, и той его частью, которая упомянутым правом не обладает. Сам Аристотель комментирует свою позицию следующим образом:

«Остается разобрать, следует ли признать, что счастье каждого отдельного человека и счастье государства тождественны или что не тождественны. Ответ на это ясен, так как, по-видимому, все согласны с тем, что тождественны. Кто полагает счастливую жизнь одного человека в богатстве, тот признает счастливым и целое государство, если оно будет богатым. Кто всего более почитает жизнь тирана, тот готов признать самым счастливым такое государство, чья власть распространяется на очень многих. Кто, наконец, оценивает одного человека в зависимости от присущей ему добродетели, тот будет считать более счастливым более благонравное государство» [Ibid. VII, 1324a 5–13].

Подобно тому как, например, в области метафизики у Платона можно говорить о различии «подлинного» и «миметического» субъекта [10], у Аристотеля указанное различие усматривается как минимум в области политической философии. Все те вспомогательные части, которые в зависимости от конкретного государственного устройства оказываются изолированными от хотя бы периодического участия в производстве и отправлении власти, в конечном счете могут быть признаны в лучшем случае лишь «миметическими» субъектами, поскольку подлинной политической субъектностью они не обладают. В этом отношении рабы, метеки, а в желательных по Аристотелю случаях и даже земледельцы, торговцы, поденщики как не имеющие возможности обретения добродетели и тем более упражнения в ней активными составляющими складывающегося в конкретных эмпирических условиях «политического» субъекта в рамках перипатетической философии не являются.

Поскольку счастье государства и совокупное счастье каждого из подлинных граждан у Аристотеля, в отличие от того же Платона, совпадают [7, с. 203–204], постольку в определенном отношении совпадают и коллективный (политический) и эмпирические субъекты, являющиеся полноценными гражданами. Так или иначе, общество и отдельный человек не могут иметь непримиримых взглядов на жизнь [14, с. 281]. Конечно, при этом необходимо помнить, что подобный коллективный субъект, с точки зрения Аристотеля, не может быть слишком большим, доходя до размеров империи или какой-либо формы крупного государства, но должен укладываться в рамки греческого полиса, сравнительно небольшого города-государства: «Любое крупное сообщество было для него просто племенем или плохо сплоченным скоплением людей» [15, с. 249].

В рамках аристотелевского учения о государстве получается, что минимальным условием становления «субъектом» того или иного человека делает социальное формирование, непосредственное и активное участие в политической жизни гражданского общества, частью которого он является. В этом смысле

такая тема, как взаимодействие субъекта и социума, является одной из ключевых не только для всех теорий субъектности XX в. [8, с. 95], но и для Аристотеля, с известными терминологическими оговорками. Получается, что и для него точно так же, как и для многих современных теорий, во многом именно политическая сфера содержит в себе подлинный смысл «схватки вокруг понятия субъекта» [4, с. 349].

Этические произведения Аристотеля содержат описания такого «политического» субъекта как общественного существа, основных сторон его деятельности (система добродетелей), установок на ценность другого (концепция дружбы) и вознаграждения за правильную форму жизни (концепты удовольствия и счастья). Аристотель создает систему сложной универсальности деятельности добродетельного (т. е. полноправного политически) субъекта. С одной стороны, «совершать проступок можно по-разному (ибо зло, как образно выражались пифагорейцы, принадлежит беспредельному, а благо — определенному), между тем поступать правильно можно только одним-единственным способом» [Eth. Nic. 1106b 29–35, пер. Н. В. Брагинской]. С другой — каждая ситуация конкретна, а оттого выбор «золотой середины» между избытком и недостатком имеет всегда конкретный же характер, к тому же соотносенный с самим выбирающим [Ibid. 1106b 4–5; 1007a 1–2]*. Конечно, важной частью той же «Никомаховой этики» является обсуждение дианоэтических добродетелей, а также преимуществ созерцательной жизни над практической. Именно здесь можно увидеть подступы Аристотеля к тематике субъективности, не сводимой к социальности, правда, имеющие четко выраженный философско-теологический характер [1; 12, с. 347–350]. Аристотель пытается решить центральную проблему «объективации» такой субъектности через апелляцию к богоуподоблению, в целом находясь в рамках общей античной проблематики [13]. И «созерцающий субъект» вне всякого сомнения является такой же предпосылкой «политического», как и государство: только разумность способна сделать нас добродетельными по существу, а не привходящим образом. Однако стоит обратить внимание на то, что жизнь созерцательная невозможна за пределами полиса (вне полиса живут либо недолюди, либо сверхлюди [Pol. 1258a 3–5]), таким образом, и здесь мы видим в полисе нечто общее, обуславливающее бытие конкретно человеческого.

На наш взгляд, к теме политического субъекта у Аристотеля имеют прямое отношение и его «поэтические» науки. Трактовка искусства в «Поэтике» происходит через позицию воспринимающего, зрителя, она не подразумевает искусства ради искусства. «Риторика» же раскрывает языковые формы общественного взаимодействия. Риторический логос имеет очевидно выраженный политический характер: Аристотель описывает принятые в полисе и соответствующие его природе типы речей, а также инструменты достижения общезначимого результата — убедительности. Человек как политическое существо, обладающий риторическими навыками, обнаруживает свою принадлежность к государству и включенность в государственную деятельность. Соотнесение «Политики» и «поэтических» наук Аристотеля в контексте темы субъекта, безусловно, является отдельным предметом исследования.

* Ср. с мнением по этому поводу В. П. Зубова и А. А. Гусейнова: [6, с. 20]; [3, с. 133–134].

Сказанное выше проясняется, если учитывать исторический контекст, которым было обусловлено мировоззрение Аристотеля. Рабовладельческое общество, к которому принадлежал Аристотель, полисная система управления небольшими государствами, постепенное становление крупных империй, все эти и др. моменты объясняют многие кажущиеся сегодня как минимум неочевидными положения. С той же легкостью, с которой Аристотель определяет раба как говорящее, одушевленное орудие или описывает азиатских варваров как склонных к мудрости, однако в то же время расположенных и к рабскому подчинению, он отказывает в правах на какую-либо политическую субъектность всем тем, кто ни в какое время независимо от характера государственного устройства не имеет доступа к законосовещательной, судебной и в первую очередь распорядительской власти. Поскольку же у Аристотеля, как было упомянуто выше, процветание государства по природе ценнее, нежели благоденствие конкретного человека, пусть даже полноправного гражданина этого государства, постольку «политический» субъект как некоторая коллективная, социальная сущность онтологически не только предшествует конкретному, или эмпирическому, субъекту, но и, согласно идее, укореняет последнего в его становлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брентано Ф.* Психология Аристотеля в свете его учения о *νοῦς ποικίλος* / пер. и коммент. И. В. Макаровой // Историко-философский ежегодник. 2002. С. 308–339.
2. *Бровкин В. В.* Греческая философия и политическое развитие античного мира в период раннего эллинизма. СПб: Изд-во РХГА, 2023. 324 с.
3. *Гусейнов А. А.* Античная этика. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 288 с.
4. *Декомб В.* Дополнение к субъекту: Исследование феномена действия от собственного лица. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 576 с.
5. *Доватур А. И.* Политика и политики Аристотеля. М.; Л.: Наука, 1965. 391 с.
6. *Зубов В. П.* Аристотель: Человек. Наука. Судьба наследия. М.: АН СССР, 1963. 367 с.
7. *Кечекьян С. Ф.* Учение Аристотеля о государстве и праве. М.; Л.: АН СССР, 1947. 222 с.
8. *Косилова Е. В.* Парадигмы субъектности. СПб.: Алетейя, 2021. 168 с.
9. *Курбатов А. Г.* Филипп Меланхтон — комментатор Аристотеля: к вопросу о моральной философии реформатора // Платоновские исследования. 2023. Вып. 19.2. С. 215–232.
10. *Минак В. С.* Способы формирования субъекта в учении Аристотеля об уме // Платоновские исследования. 2023. Вып. 19.2. С. 144–158.
11. *Протопопова И. А.* Сократ и подражатели: «миметический» и «подлинный» субъект у Платона // Платоновские исследования. 2023. Вып. 19.2. С. 81–96.
12. *Светлов Р. В.* Иов, Плотин, Платон // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. № 3. С. 137–147.
13. *Светлов Р. В.* Концепция эвдемонии в контексте аристотелевской рациональной теологии // Вопросы теологии. 2022. Т. 4. № 3. С. 342–351.
14. *Jaeger W.* Aristotle: Fundamentals of the History of his Development. Oxford: Oxford University Press, 1934. 475 p.

15. Ross W. D. Aristotle. With an introduction by J. L. Ackrill. Sixth Edition. London; N.Y.: Routledge, 2005. XIII. 336 p.

REFERENCES

1. Brentano, F. (2002). *Psikhologiii Aristotelii v svete ego ucheniia o vovs poihtikós* [Aristotle's Psychology in Light of His Teaching of vovs poihtikós] / per. i komment. I. V. Markarovi. In: *Istoriko-filosofskii ezhegodnik*. S. 308–339. (Russian translation).
2. Brovkin, V. V. (2023). *Grecheskaia filosofii i politicheskoe razvitie antichnogo mira v period rannego ellinizma* [Greek Philosophy and Political Development of the Antique World during the Early Hellenistic Period]. SPb: Izd-vo RHGA. 324 s. (In Russian)..
3. Dekomb, V. (2011). *Dopolnenie k sub'ektu: Issledovaniye fenomena deistviya ot sobstvennogo litsa* [Supplement to the Subject: A Study of the Phenomenon of Action from One's Own Perspective]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 576 s. (Russian translation).
4. Dovatur, A. I. (1965). *Politika i politii Aristotela* [Aristotle's Politics and Polities]. M.; L.: Nauka. 391 s. (In Russian).
5. Guseinov, A. A. (2011). *Antichnaja etika* [Antique Ethics]. M.: Knizhnyi dom «Librokom». 288 s. (In Russian).
6. Jaeger, W. (1934). *Aristotle: Fundamentals of the History of his Development*. Oxford: Oxford University Press. 475 p. (In English).
7. Keček'ian, S. F. (1947). *Uchenie Aristotelii o gosudarstve i prave* [Aristotle's Doctrine on the State and Law]. M.; L.: AN SSSR. 222 s. (In Russian).
8. Kosilova, E. V. (2021). *Paradigmy sub'ektnosti* [Paradigms of Subjectivity]. SPb.: Aleteiia. 168 s. (In Russian).
9. Kurbatov, A. G. (2023). *Filipp Melankhton — kommentator Aristotelii: k voprosu o moral'noi filosofii reformatora*. In: *Platonovskie issledovaniia*. Vyp. 19.2. S. 215–232. (In Russian).
10. Minak, V. S. (2023). *Sposoby formirovaniya sub'ekta v uchenii Aristotela ob ume* [Ways of Formation of the 'Subject' in Aristotle's Theory of Mind]. In: *Platonovskie issledovaniia*. Vyp. 19.2. S. 144–158. (In Russian).
11. Protopopova, I. A. (2023). *Sokrat i podrazhateli: „mimeticheskii“ i „podlinnyi“ sub'ekt u Platona* [Socrates and Imitators: Plato's "Mimetic" and "Authentic" Subjects]. In: *Platonovskie issledovaniia*. Vyp. 19.2. S. 81–96. (In Russian).
12. Ross, W. D. (2005) *Aristotle*. With an introduction by J. L. Ackrill. Sixth Edition. London; N.Y.: Routledge. XIII. 336 p. (In English).
13. Svetlov, R. V. (2015). *Iov, Plotin, Platon* [«Job, Plotinus, Plato»]. In: *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*. T. 16. № 3. S. 137–147. (In Russian).
14. Svetlov, R. V. (2022). *Konczepczija evdemonii v kontekste aristotelevskoj racional'noj teologii* [The concept of eudaimonia in the context of Aristotelian rational theology]. In: *Voprosy teologii*. T. 4. № 3. S. 342–351. (In Russian).
15. Zubov, V. P. (1963). *Aristotel': Chelovek. Nauka. Sud'ba nasledija* [Aristotle: The Man. Science. The Fate of Legacy]. M.: AN SSSR. 367 s. (In Russian).